

П.Г.Щедровицкий

Основные проблемы современной философии развития¹

Тезисы доклада на Открытом заседании Правления
Фонда «Центр стратегических разработок «Северо-Запад»,
приуроченном к его 10-летию
03.12.2010

1.

Рост региональных диспропорций и компенсирующие крупные инвестиционные проекты, мировой ресурсный кризис, нахождение баланса между темпами экономического роста и масштабом влияния на окружающую среду, образовательная политика, преодоление энергетической бедности – такова далеко не полная повестка дня сегодняшних дискуссий, в том числе, здесь на расширенном заседании Правления Центра Стратегических Разработок «Северо-Запад», посвященных 10-летию его создания. Обсуждая все эти и многие другие актуальные вопросы, мы, в том или ином повороте, используем понятие «развития». Поэтому целесообразно остановиться на обсуждении того смысла и того содержания, которое мы вкладываем в это понятие. Хотя кому-то обсуждение данного вопроса может показаться неуместным и излишне теоретизированным, я считаю его чрезвычайно важным для реального принятия решений, в том числе, по сугубо практическим вопросам.

2.

В XX веке «развитие» из объекта размышления узкой группы Европейских философов превратилось в предмет живого творчества масс. На смену гегелевской утопии поступательного спиралевидного развития абсолютного Духа пришел герой нового времени – индивидуальный предприниматель, описанный в этом качестве Й. Шумпетером в 1911 году в своей знаменитой работе «Теория экономического развития». Именно предприниматель, по мысли Шумпетера, реализует возможности развития за счет инновационных проектов – всегда временных и локальных, но мотивированных установкой на получение прибыли, как эффекта от открытия нового рынка.

Конечно, при внимательном рассмотрении, за этой фигурой, выведенной, как говорят, на «кончике пера» представителем третьей генерации австрийской политэкономической школы за несколько лет до первой мировой войны, угадывается вся история христианской теологии. Освобождение человека из под-опеки Бога и социальных авторитетов шло медленно, шаг за шагом в течение 2000 тысяч лет как в концептуальном, так и в практическом плане: человек завоевывал право на осмотрительное участие в процессе творения.

¹ В силу недостатка времени в ходе заседания правления 3 декабря данный доклад был вынесен за рамки официальной части и публикуется на основе предварительно подготовленного текста выступления.

В ряду других, видится советник Людовика XIV и воспитатель дофина – один из главных идеологов формирования абсолютизма - епископ Ж. Боссюэ. Именно он, убежденный сторонник провиденциализма, в своем «Рассуждении о всемирной истории» представил развитие человечества как последовательность эпох, через которые оно последовательно движется к утверждению христианских ценностей².

Видится стоящая на трибуне Сорбонны фигура А. Тюрго, тогда еще, в 1750 году, студента теологического факультета, впервые в явной форме провозгласившего, что поступательное развитие человечества в обозримой части его истории есть следствие прогресса разума, способности обобщения и предвидения. Став впоследствии крупным государственным деятелем, он стремился реализовать во Франции то, что считал условиями прогресса – экономические свободы, быстрый транспорт и надежную почтовую связь.

Вспоминается позиция считавшегося сумасшедшим А. Шопенгауэра, этого альтерэго гегельянства, провозгласившего впервые в столь артикулированной форме, что мир есть результат работы представления и воли – максима гораздо ближе стоящая к формуле Й. Шумпетера, что прибыль есть плата за правильный прогноз, чем абстрактные рассуждения о соотношении свободы воли и необходимости в истории.

² Приведем для иллюстрации нашей мысли небольшую цитату из работы выдающегося консультанта того времени:

«Всеобщая история такого рода представляет собой для истории каждой страны и каждого народа то же самое, что и карта мира для карт отдельных территорий. На частной карте мы видим все детали какого-нибудь королевства или провинции. Но общая карта учит нас помещать эти части мира в соответствующий контекст; вы видите, какое место Париж или Иль-де-Франс занимает в королевстве, какое место занимает королевство в Европе, а Европа — в мире. Таким же образом частные истории показывают череду событий, происходивших в рамках отдельной нации, со всей полнотой деталей. Но, чтобы понять все, мы должны знать, как эта история связана с другими; и это можно сделать, уплотнив всю последовательность времен так, чтобы мы могли охватить все словно бы единым взглядом.

Такое сжатие... позволит вам увидеть грандиозную панораму. Перед вашими глазами за несколько часов словно бы пройдут все предыдущие столетия в их развитии; вы увидите, как империи сменяли друг друга, как религия в ее различных формах обеспечивала свою устойчивость с начала мира до нашего времени... Именно поступательное движение этих двух предметов, а именно религии и империй, вы должны отпечатать в своей памяти. А поскольку религия и политическое правительство есть два центра, вокруг которых вращаются человеческие дела, то из этого следует, что получить все сведения о них в сжатой форме и таким образом обнаружить их порядок и последствия означает понять единым умом все, что есть великого в человечестве и, в некотором смысле, удерживать в уме общую направленность всего, происходящего в мире».

Но, как бы то ни было, искушение развитием вышло за пределы философских упражнений, перестало быть прерогативой и ответственностью правящего класса, мобилизовало и вывело на улицы городов широкие массы в череде революций XVII-XVIII века, а в XX веке окончательно разорвало границы Европейской ойкумены. Процесс развития стал не только массовым, но и всемирным (глобальным) в полном смысле этого слова.

Вместе с тем, по мере демократизации, массовизации и глобализации процессов развития человечество вынуждено было последовательно признать, что развитие опасно, негарантированно и неравномерно.

3.

Развитие неравномерно. Новое никогда не возникает сразу повсеместно и одновременно. Процесс развития идет волнами, постепенно захватывая отдельные виды деятельности, группы населения и территории, а некоторые на длительное время, как будто бы нарочно обходя стороной. Когда мы оцениваем процессы развития, мы всегда подразумеваем наличие некой разности потенциалов, различия в темпах или достигнутом уровне.

Мы говорим, что один ребенок более развит чем другой, мы делим страны на развитые и развивающиеся. Мы признаем, что смена поколений технологий происходит все быстрее и быстрее, а способность человека осваивать нововведения становится реальным критерием для приема на работу или увольнения с нее.

Только неправильный перевод на русский язык позволяет нам вместо упования на сбалансированность говорить об «устойчивом» развитии, не замечая радикального противоречия, возникающего при этом в терминах и понятиях. Процесс «развития» принципиально не может быть устойчивым, развитие на каждом шагу создает все новые и новые «линии разлома» и зоны «неустойчивости».

Более того, попытка сгладить различия в уровне развитости между регионами, странами или социальными стратами, в подавляющем большинстве случаев оказывается безуспешной или порождает новые формы расслоения и неравенства.

Само «развитие» является ограниченным, можно сказать, дефицитным ресурсом.

4.

Развитие негарантированно. Старая восточная поговорка гласит: «Когда караван поворачивает, хромой верблюд может оказаться впереди». Идущий первым рискует; его затраты на освоение нового безмерны. Риски, связанные с отсутствием предшествующего опыта, компенсируются возможностью занять место среди лидеров. Идущий следом экономит время и силы. Стратегия догоняющего развития в большинстве случаев позволяет пройти тот же путь быстрее, а иногда и обогнать первопроходцев. Вчерашние лидеры, даже на короткий срок теряющие темп и интенсивность изменений легко могут утратить свои позиции.

Вспоминается строчка из детского стихотворения: «Кто не удержится на гриве, тот не уцепится за хвост».

Устоявшиеся в течение многих десятилетий и даже столетий иерархии знания, социальных статусов или стран, могут ломаться за счет появления технических нововведений, например, интернета; новых профессий или занятий как, скажем, героев профессионального спорта или медиа для формирования современной элиты – или, в конечном счете, удивительной роли личности в истории, как роль Ли Кван Ю для превращения Сингапура из страны третьего мира в первый....

Ошибка в планировании превращает огромные инвестиции в груды строительного мусора. Случайное открытие или изобретение стирает с лица земли целые отрасли промышленности. Вчерашний отличник не может найти работу. Страны-лидеры, когда-то влиявшие на весь мир, занимают позиции в середине мировой «табели о рангах», а иногда и вовсе - исчезают с карты мира.

Только в антиутопии Ф. Фукоямы наступает «конец истории», поскольку идеальное состояние развитости уже достигнуто раз и навсегда.

5.

Развитие опасно. Для человека, например, спортсмена, интенсивное развитие какой-то одной способности до предельного возможного уровня грозит травмами и, в пределе, ранней инвалидностью. Для страны, вставшей на путь догоняющего развития, достижение за короткий срок наивысших темпов роста и показателей объемов производства, оборачивается перенапряжением иммунных систем общественного организма, демографической и мотивационной катастрофой, как это случилось с Советским Союзом в 30-ые годы и сказывается на нас до сих пор.

Сегодня, в ожидании того, как еще 2,5 миллиарда человек встанет вслед за Китаем на путь догоняющей индустриализации, мы с трепетом пытаемся оценить последствия этой глобальной трансформации и без особой надежды взываем к ограничению совокупного воздействия человека на среду обитания. Мы критикуем достигнутое за сравнительно короткий промежуток времени благосостояние так называемого «золотого миллиарда», как во многом опиравшееся на систему займов у будущего; но у нас нет никакого морального права отказать 4/5 населения планеты в их стремлении обеспечить себе тот же уровень потребления, энергообеспеченности и качества жизни, который существует в развитых странах.

Именно экологический подход, впервые в гротескной форме заявивший о себе в работах Т. Мальтуса, что любопытно, практически одновременно с хорошо известным нам сегодня призывом к росту благосостояния из уст профессора моральной философии А.Смита, возвращает нас к вопросу о соучастии человека в процессах творения. К вопросу о естественных границах и необходимости искусственного самоограничения процессов развития. К вопросу, который сегодня вновь стал слышен с растущей силой, и который предъявляет все новые и новые требования к сложившимся способам думать и делать.

6.

Здесь мы должны вернуться к рассмотрению процессов развития. Кто и как ставит вопрос о самоограничении технологического и проектного воздействия человека на окружающий его мир – как природный, так и деятельностный, технический? Кто формулирует общий взгляд на вызовы эпохи и необходимость изменения привычных способов делать? Кто услышит этот призыв в потоке информационного шума, пронизывающего каждую минуту нашего существования в этом мире? Воспримут ли эти призывы миллионы индивидуальных предпринимателей, современные герои массового процесса «развития»? А если и услышат и воспримут – откуда они возьмут знание о том, как можно действовать иначе, и хватит ли у них сил перестроить обыденные и устоявшиеся практики?

Размышляя над этими вопросами и анализируя опыт совместных действия человечества по преодолению угроз в XX веке, часто приходишь к неутешительным выводам. Опыт мировых войн и революций XX века, опыт развертывания мировых экономических кризисов, преодоления голода и бедности, разрешения локальных конфликтов демонстрирует, мягко говоря, слабую продуктивность функционирования глобальных институтов, ориентированных на решение общих проблем и обеспечивающих их работы технологией принятия решений. Лишь мощь влияния прогрессистских идеологий прошлого и гордость за принадлежность каждого из нас к роду человека не только «прямоходящего», но «разумного» удерживает от констатации бессилия мышления.

Можно предположить, что ключевым вопросом управления развитием становится вопрос о том, как устроены циклы жизни знания. Как знание строится, создается, обращается и используется в деятельности? Каким должно быть знание, чтобы оно могло стать «рамкой» для построения новой деятельности, для смены технологий, для отказа от устаревших способов деятельности в пользу новых? Откуда и как отдельный предприниматель узнает о том, что можно достичь собственных целей более экономно расходуя ресурсы? Или просто действуя иначе?

В крупном городе миллионы отдельных водителей, направляясь по своим делам, сегодня могут узнать о загруженности отдельных трасс, пробках на дорогах и возможных путях объезда, используя современные системы спутниковой связи. А что может играть эту роль в глобальном или хотя бы национальном регулировании предпринимательской деятельности? Если мы не найдем ответ на этот вопрос, «пробки» в экономическом движении и вызванные этим глобальные потери ресурсов станут нашим постоянным спутником так же как многочасовые простои на дорогах в жизни современных мегаполисов.

Рискну утверждать, что сегодня эту роль – навигационной системы в мире технологического развития и экономических ставок, играют отдельные «мозговые центры», «фабрики мысли» и их сети. Они анализируют и выявляют мировые тренды (тенденции), формулируют прогнозы, создают дорожные карты, оценивают темп и направленность процессов. Они, для отдельного предпринимателя или лица принимающего решения, задают рамки, «прорисовывают» то пространство, в котором он реально находится или будет находиться в ближайшее время, компенсируя дефицит знаний, присущих каждой отдельной позиции и каждому конкретному проекту. Они прочерчивают возможные сценарии будущего, преодолевая энергию заблуждения конкретного локального участника процессов развития, энергию, которая, как известно, необходима для целенаправленного действия и движет им.

7.

Встав на путь развития, человечество не может просто сойти с дистанции, не замечать происходящих глобальных изменений и не принимать участие в поиске общих ответов на сегодняшние и будущие вызовы.

Важнейшую роль - своего рода корпуса быстрого реагирования - играют в этой сфере современные интеллектуальные центры, так называемые, фабрики мысли. Коллективы этих организаций стараются предвидеть подобные вызовы тогда, когда контуры следующей волны развития еще не различимы в полной мере и могут угадываться лишь приблизительно. Интеллектуальные лидеры подобных фабрик мысли призваны переводить эти, порой интуитивные гипотезы, в прогнозы и проекты, в артикулированные требования к человеку, общественным институтам и технологиям.

Я рад, что в начале 2000-х годов мне, совместно с моими друзьями и коллегами, сидящими в этом зале, довелось принять посильное участие в формировании и работе одного из самых успешных российских синк-тэнков – ЦСР «Северо-Запад», который сегодня отмечает свои 10 лет.